

От века к веку не слыхано, чтобы за общим столом дама брала на себя расходы по трапезе.

Типичный шовинист.

— ...Ты уже потратил почти все деньги на оплату жилья, а поиски ножен даже не сдвинулись с мертвой точки. Неизвестно, сколько еще придется здесь пробыть. Одной смены одежды точно не хватит, да и питаться на что-то нужно! — Хуа Мянью встала на цыпочки, потянулась и прижала руку мужчины вниз. Она заглянула в его бумажный пакет, даже не заметив, что в ее голосе проскользнули поучительные нотки. — Дай-ка посмотрю, сколько осталось... Раз, два, три...

Хуа Мянью старательно пересчитала купюры и обнаружила, что этот обед стоил Сюаньцзи половины всех его сбережений.

— Оставшихся денег не хватит даже на две смены одежды, — вздохнула она. — Есть ли у тебя способ снова получить золото из твоего мира, чтобы обменять его здесь?

Сюаньцзи ответил:

— Врата связи между современным миром и континентом Чжуся открываются раз в двадцать дней. В следующий раз они откроются лишь через пятьдесят два дня.

Хуа Мянью взглянула на него, всё поняла и бесстрастно произнесла:

— Значит, этот вариант отпадает.

Сюаньцзи опустил взгляд и невозмутимо добавил:

— Не стоит тревожиться. Разве может настоящий мужчина погибнуть на чужбине из-за нехватки мирских благ?

Он произнес это с такой серьезностью, что Хуа Мянью даже опешила. Она так и не отпустила его руку, продолжая смотреть на него, ошарашенная его решимостью. Спустя долгое время она словно очнулась, тихонько хмыкнула и спрятала половину лица за высоким воротником свитера.

Она отпустила Сюаньцзи и отступила на два шага:

— Ты дважды спас мне жизнь, как же я могу после этого объедать тебя...

Сюаньцзи ответил:

— Это сушная мелочь, госпоже Хуа Мянью не стоит брать это в голову...

Голос Хуа Мянью донесся из-за воротника:

— Убери это госпоже.

Сюаньцзи поправился:

— ...Сушная мелочь, Хуа Мянью не стоит брать это в голову.

Как только слова слетели с его губ, он заметил, что уголки глаз девушки изогнулись в улыбке. Сюаньцзи на мгновение замер, а затем и сам подумал, что такое обращение звучит слишком интимно... Хотя это было всего лишь имя, атмосфера в комнате внезапно стала напряженной.

Впервые в жизни он сам отвел взгляд первым.

Вечер. Сгустились сумерки.

Попрощавшись с Су Янем и Сюаньцзи, Хуа Мянью вернулась в свой номер. Она тщательно приняла душ, словно пытаясь смыть с себя всё невезение сегодняшнего дня, надела халат, сняла шапочку для душа и, поправив бинты на голове, села за стол под лампу.

Сначала она зашла на Таобао, заказала несколько комплектов мужской зимней одежды, а затем, краснея, добавила в корзину упаковки нижнего белья. При заполнении данных получателя она, словно совершая преступление, везде заменила имя Хуа Мянью на Господин Хуа.

Отложив телефон, она открыла дневник, лежавший на столе.

В наши дни мало кто ведет бумажные дневники, но Хуа Мянью была исключением — в конце концов, ее часто подкалывали за то, что у нее привычки как у старика. Зажав зубами колпачок ручки, она открыла ее и начала выводить строчки на бумаге, которые отзывались тихим шуршанием.

31 ноября, пасмурно.

Кажется, сегодня был самый длинный день в моей жизни.

Утром Ван-гэ позвал меня на крышу, и когда я уже была на грани гибели, кто-то спустился с

небес, схватил его и прыгнул с двадцать восьмого этажа, спасая меня.

В полдень я спокойно вела машину, припарковалась на обочине, чтобы ответить на звонок, и едва не погибла под упавшим сверху огромным валуном. И снова появился он, разрубил камень пополам и спас меня.

Я до сих пор в шоке и не понимаю, откуда взялась эта череда происшествий. В общем, я почти совершила героический подвиг, теперь голова замотана пугающими бинтами, хотя на самом деле это всего лишь легкое сотрясение (233333).

Тем не менее я воспользовалась случаем и отпросилась у старика Му — можно сказать, поступила очень бесстыдно.

Вечером ела вкусную еду, и опять он, всё тот же человек, потратил половину своего состояния, чтобы угостить меня — его аргумент был в том, что девушка не должна платить. Звучит как какой-то клишированный любовный роман, но так оно и было...

Хм, этот человек.

И Сюаньцзи — поистине удивительный экземпляр «типичного шовиниста».

Хотя, когда я желала ему спокойной ночи, он, кажется, еще не задумывался о том, как будет жить дальше после сегодняшнего расточительства.

...Конечно, я буду за него отвечать.

Раз уж с того самого дня, как он появился, частота его упоминаний в моем дневнике зашкаливает...

Ах, я буду отвечать до самого конца.

По крайней мере, не дам ему умереть с голоду, пока он не найдет...

Кончик пера замер, Хуа Мян выплюнула изо рта колпачок. Она протянула руку и зачеркнула последнюю строчку.

С хлопком закрыв дневник и погасив лампу, она забралась в постель, освещенную лишь светом, отраженным от снега на балконе. Только она улеглась, как услышала скрип на балконе соседнего номера — кто-то вышел наружу.

Затем она увидела, как мимо окна ее комнаты мелькнула темная фигура.

Хуа Мянью: «...»

Наверное, в эту темную ночь кое-кто снова отправился на поиски ножен.

Натянув одеяло до подбородка, она в темноте слегка улыбнулась.

Что ж, спокойной ночи, господин шовинист.

На следующее утро, как только рассвело, Хуа Мянью вскочила с постели и принялась за утренний туалет, стараясь привести себя в порядок.

Нанося макияж перед зеркалом, она выбрала помаду чуть ярче обычного. Нанесла на волосы масло для блеска, слегка прошлась по ним плойкой. Поджав ногу и опираясь руками на туалетный столик, она вертела головой, разглядывая свое отражение. Кончиками пальцев она приподняла прядь волос, закрывавшую левый глаз, обнажая бинты на лбу.

Выглядит как поехавший японский самурай.

Хуа Мянью: «...»

Вмиг она приуныла и помрачнела. Опустив взгляд, она отказалась дальше изучать свой новый образ, схватила с дивана привычный шарф и обмотала его вокруг шеи, закрыв половину лица. Вернувшись к своему обычному облику, она лишь ощущала на губах вкус другой помады, напоминая себе, что сегодня она всё же накрасилась иначе.

Надев рюкзак, она вышла из номера и подошла к соседней двери.

Поколебавшись, она постучала: «Тук-тук». Руки она прижала к груди, пальцы сцепила в замок, ноги плотно сдвинула. Эти мелкие движения выдавали ее нервозность.

Вскоре дверь открылась. На пороге стоял мужчина с голым торсом, в одних джинсах, и смотрел на нее бесстрастным взглядом.

Хуа Мянью опешила:

— ...Ты, ты, ты...

Сюаньцзи:

— ?

Хуа Мянью:

— Почему ты без одежды!

Сюаньцзи:

— Одежда, что ты купила, хороша, но в этом номере, видимо, включили отопление, так что в ней невыносимо жарко...

...В номерах работала центральная система кондиционирования, в свитере действительно было жарковато.

— Ах, это я не подумала, прошу прощения, — Хуа Мянью всё еще старалась быть вежливой с человеком, дважды вырвавшим ее из лап смерти. — Вчера я заказала тебе другую одежду, отправила экспресс-доставкой, сегодня утром должны привезти...

— Экспресс-доставкой?

— Ну, это... логистика. Понимаешь? Забирают вещь у продавца и как можно быстрее доставляют покупателю в целости и сохранности. — Хуа Мянью с трудом пыталась объяснить.

К счастью, Сюаньцзи оказался понятливым:

— Бяоцзюй.

Хуа Мянью выдохнула:

— ...Да, здесь это называется курьерской службой.

Сюаньцзи добавил:

— На континенте Чжуся самая известная компания — Бяоцзюй Улян. Они мастера и в водных, и в сухопутных перевозках, работают сотню лет и не потеряли ни одного груза.

Хуа Мянью уловила в его голосе легкую гордость и, полушутя, спросила:

— Бяоцзюй Улян? Это название... твоя компания?

Сюаньцзи:

— Да.

Хуа Мянью:

— ...

Серьезно, что ли?

Впрочем, стоять рано утром в коридоре отеля и обсуждать с богатым наследником из другого мира его семейный бизнес — это более чем странно. Особенно учитывая, что этот богач сейчас без гроша в кармане и скоро пойдет просить милостыню...

Ах да, милостыня.

Хуа Мянью хлопнула себя по лбу, вспомнив, зачем пришла:

— Забудь пока про Бяоцзюй. Я пришла спросить, пойдешь ли завтракать? Бери карту от номера, в ресторане на третьем этаже завтрак бесплатный.

— Бесплатный? Помнится, вчера, когда ты водила меня туда, ты платила серебром.

— Это был четвертый этаж.

— Почему же мы не пошли на третий?

— Потому что там невкусно.

— Почему же сегодня ты хочешь туда пойти?

— Потому что мы бедны, — ответила Хуа Мянью, не раздумывая, и после короткой паузы добавила: — Ты беден.

— ...

В детстве он был наследником лидера человечества, юным дворцовым мастером Дворца Улян. Повзрослев, он стал лидером людей, охраняющим земли Западной Пустоши, хозяином Дворца Улян на Острове Футу... Никто и никогда не говорил Сюаньцзи: «Сегодня ты пойдешь в бесплатную столовку, потому что ты беден».

Слова Хуа Мянь показались ему чем-то новым. У него не было понятия о «бедности», да и к еде он был равнодушен — лишь бы утолить голод. Поэтому он не стал спорить, вернулся в комнату, накинул одежду и последовал за Хуа Мянь.

Он шел уверенной походкой, глядя прямо перед собой. Если бы она не видела вчера своими глазами, как он бродит по ночам, было бы трудно поверить, что этот полный сил человек может слоняться без дела.

— О чем задумался? — спросил голос за спиной.

— Ни о чем, — Хуа Мянь опустила голову, сжимая лямки рюкзака. — Хорошо спалось? Я видела, как ты выпрыгнул в окно около часа ночи...

— Мастера боевых искусств привыкли мало спать.

— ...И зимой тоже?

— Зимний снег или летние цикады — какая разница?

— ...

Глядя на это честное лицо, Хуа Мянь не смогла объяснить, насколько соблазнительно теплое одеяло зимой... Как сотрудница съемочной группы, она больше всего боялась дневных смен в холодное время года. Как и сегодня: чуть рассвело, а она уже должна бежать, готовить реквизит, носить его, расставлять — профессиональный долг каждого декоратора — подготовить всё до прихода актеров.

— Ладно, забей, — она махнула рукой и потерла нос. — Тебе, как господину, не понять тягот труда обычных людей.

— ...В четырнадцать лет мой отец тяжело заболел. Чтобы достать святыню Клана Си — Десятитысячелетнюю жемчужину русалки, я в одиночку, с мечом Угуй в руках, ворвался в священное место Клана Си, — негромко произнес мужчина, идущий позади. — Тогда я сражался со жрецом Си Юэ четыре дня и три ночи. В самый тяжелый момент Зверь, подавляющий море, едва не перекусил мне горло, но ножны меча Угуй выдержали удар. В конце концов я заслужил признание Си Юэ, получил жемчужину и вернулся, прославившись на весь мир.

— ...

— Быть господином не так просто, как ты думаешь.

— Да, — искренне ответила Хуа Мянь. — Я была права.

Сюаньцзи поравнялся с ней и лишь бросил на нее мимолетный взгляд, проявив великодушие в духе «взрослый не держит зла на неразумного»:

— Ничего.

Хуа Мянь: «...»

За этим странным разговором они поднялись на лифте на третий этаж. Хотя солнце только взошло, ресторан уже был полон бедняг из разных съемочных групп.

Сюаньцзи приехал с другого континента, и единственное, к чему он смог приспособиться, была еда. Кулинарная культура Китая развивалась тысячелетиями, но суть оставалась прежней: завтрак из булочек, каши, соевого молока, пончиков и вонтонов был привычен и там, и здесь.

Ел Сюаньцзи с безупречными манерами, очень тихо. Держа чашку с кашей, он выглядел как настоящий аристократ... Хуа Мянь, чьей аппетит был как у котенка, наелась парой ложек. Оставшееся время она подпирала подбородок рукой, наблюдая за ним и заодно портя ему аппетит:

— ...Ты не думал, что будешь делать, если не найдешь ножны?

Рука Сюаньцзи, державшая чашку, дрогнула. Он поднял голову и посмотрел на нее... Хуа Мянь сменила руку, подпирающую подбородок, поняв по его взгляду, что он хочет, чтобы она закрыла рот.

Она неловко улыбнулась, опустила голову и начала рисовать пальцем круги на столе:

— Просто спросила.

— Сколько стоила одежда, купленная вчера? — Сюаньцзи отставил чашку. — Я верну тебе.

— ...Не нужно.

— Мы с тобой не родня, с какой стати я должен принимать твою милость?

— Ты спас меня дважды. Без тебя я бы уже была грудой гнили в гробу, — Хуа Мянь вздрогнула.
— Одежда не от дорогого бренда, деньги — вещь наживная, с собой в могилу их не унесешь.

— На континенте Чжуся только супруги покупают друг другу одежду и украшения, —

Сюаньцзи бросил на нее взгляд. — Ты на что-то намекаешь?

Палец Хуа Мянью, чертивший круги, замер. Она подняла голову и ошарашенно посмотрела на него. Спустя мгновение, осознав сказанное, она покраснела до корней волос. Пялясь на его «каменное» лицо, она долго пыталась выдавить из себя «нет, это не так», но так и не смогла. Сюаньцзи отвел взгляд и взял вторую чашку каши:

— Мой отец рано покинул континент Чжуся, странствуя по миру, а я пока не женат.

...Это ты!

...На что намекаешь?!!

Хуа Мянью сжала скатерть в кулак. У нее из ушей чуть пар не повалил, когда она услышала тихий смешок мужчины:

— Это была шутка, не воспринимай всерьез.

Хуа Мянью:

— ...Ты часто так шутишь с людьми?

Улыбка на губах Сюаньцзи погасла, он покачал головой.

В обычные дни на Острове Футу он был завален делами, тренировался, и даже время на еду выкраивал лишь благодаря настойчивости Цинсюаня. Покинув остров и прибыв в столицу Чжуся, он тут же потерял ножны и отправился в современный мир... Когда он в последний раз сидел за столом и шутил с кем-то за едой, он уже и не помнил.

Жизнь в этом мире...

Сюаньцзи взглянул на сидящую рядом девушку, которая смотрела на него снизу вверх... Теперь даже он сам не понимал — почему всё вокруг вдруг стало казаться таким расслабленным и беззаботным?

В конце концов, по настоянию Сюаньцзи, он опустошил свой «золотой запас», отдав Хуа Мянью последние деньги... и превратился в бедняка, которому не на что было даже пообедать.

Хуа Мянью сжимала в руке деньги, размышляя о «загадочной гордости шовиниста», и перед уходом на работу ухватила за его рукав:

— А как же обед и ужин?

Она искренне переживала за него.

— В Нефритовом кольце души Сюань еще есть запас провизии.

Сюаньцзи посмотрел на маленькую ручку, сжимавшую его рукав: он не знал, когда это вошло в привычку, но она делала это так естественно. И он ни разу не стряхнул ее — ни разу. Каждый раз, чувствуя, как она хватается его за рукав, он послушно останавливался, поворачивался и смотрел ей в глаза...

— Разве можно питаться только этим? — пробормотала она, не замечая глубокого взгляда мужчины, и продолжила ворчать себе под нос: — Нет, так не пойдет. Если ты умрешь от голода у меня на глазах до того, как найдешь ножны, я себе не прощу. Ты мой спаситель, я не могу просто смотреть, как ты голодаешь.

Глубоко вздохнув, Хуа Мянью отпустила его и, словно разговаривая сама с собой, сказала:

— Поняла. Иди, подожди меня минутку.

И, не дожидаясь ответа, она умчалась прочь, словно порыв ветра.

Во всех крупных киностудиях страны массовка делилась на два типа.

Первый — актеры, официально нанятые через местные управляющие компании киновбаз. Съёмочная группа договаривается о цене, количестве людей, поле, задачах и месте сбора, а в день съёмок их привозят на автобусе. Расчет происходит в конце дня, деньги распределяет координатор компании. У них есть официальные контракты, а значит, этот путь не подходил Сюаньцзи, у которого не было даже удостоверения личности.

Второй тип — это те, кто попадает на площадку по знакомству — так называемый «черный ход». Обычно кто-то из своих приводит друга на эпизодическую роль. Иногда бесплатно, иногда за процент. Это своего рода «торговля лицом».

В таком суперхите, как Божественная книга Лохэ, где главную роль играл великий Бай И, желающих пролезть по знакомству, чтобы вознестись в карьере с восемнадцатой линии до восьмой, были тысячи. Пороги кабинетов тех, кто хоть что-то решал, были буквально стерты. В зависимости от специфики группы, важным человеком мог быть режиссер, продюсер или куратор. Хуа Мянью работала в художественном отделе, который был на аутсорсе, но из-за постоянного сотрудничества она была хорошо знакома с продюсерами и кураторами.

Настолько хорошо, что они были с ней на короткой ноге.

Что касается режиссера — в Божественной книге Лохэ им был маститый мастер из Гонконга. Он повидал всякое, не любил льстецов, но особенно ценил таких трудяг, как Хуа Мянь, которые работали молча и на результат.

Поэтому на съемках Божественной книги Лохэ чаще всего можно было увидеть такую картину: режиссер сидит в высоком кресле, кричит в микрофон: «Где наш художник-постановщик Хуа Мянь?», и из толпы выныривает фигура в маске, неся всё, что потребовал режиссер...

Поскольку этот «Дораэмон кинобазы города Н» был невероятно полезен, режиссер даже подумывал: «Вот закончим проект, и я заберу всю вашу студию с собой в Гонконг».

<http://bllate.org/book/21766/2250928>